

МАГИЯ ЖИЗНИ

Часть I

ЖЮЛЬЕТТА

1

3 июля 1610

Все началось с бродячих артистов. Их семеро, шесть мужчин и девушка; она в блестках и рваном кружеве, они в шелку и перьях. На каждом маска и парик, лица напудрены и раскрашены — Арлекин, Скарамуш и длинноносый Чумной Доктор, скромница Изабель и распутник Жеронт. Босые ноги в дорожной пыли, зато ногти сверкают золотом, улыбки грубо намалеваны, а голоса так сладки и пронзительны, что у меня замирает сердце.

Незванные и неожиданные, явились они в зеленой повозке с позолотой; на ее помятых боках еще читалась горделивая алая надпись:

«Всем известная труппа Лазарильо!

Трагедия и комедия!

Дикое зверье и чудеса!»

Вокруг надписи резвятся сатиры и нимфы, слоны и тигры, лиловые, розовые, малиновые. «Любимцы короля!» — намалевано чуть ниже кичливыми золотыми буквами.

В это мне верилось с трудом, хотя поговаривали, что у старика Анри простецкий вкус и изысканным трагедиям он предпочитает комедии-балеты и представления с диким зверьем. В день венчания короля я сама танцевала перед ним под строгим взглядом его любимой Марии. То был мой звездный час.

Труппа Лазарильо нам не чета, однако представленные разбередило мне душу с силой, на которую посредственные лицедеи и надеяться не могли. Предчувствие ли тому виной или тоска по временам, когда мрачные шакалы инквизиции еще не запретили нам радоваться жизни, но, глядя на танец, на пестрые костюмы, задорно мелькающие под ярким солнцем, я словно видела знамена древних армий, горделиво шествующих по полю боя в знак неповиновения малодушным отступникам.

Надпись на повозке сулила дикое зверье и чудеса, а в труппе были только мартышка в красном жилете да небольшой черный медведь. Зато, кроме представления в масках, мы увидели пожирателя огня, акробатов, музыкантов и даже плясунью на канате. Восхищенная публика шумела, Флер смеялась, визжала от восторга, и сквозь рясу я ощущала ее порывистые объятия.

У плясуньи темные кудри и золотые браслеты на щиколотках. На наших глазах она прыгнула на канат, который держали Жеронт и Арлекин. Ударили в тамбурин — ее подбросили в воздух, она сделала сальто и приземлилась на канат так же ловко, как когда-то умела я. Нет, почти так же ловко, ведь нашу труппу именовали «Небесный театр», а меня Эйле, Крылатой, Небесной Плясуньей, Парящей Гарписей. В лучшие времена, стоило мне подняться на канат, публика охала и замирала — и изнеженные дамы, и их галантные кавалеры, и епископы, и торговцы, и придворные. Сам король бледнел и не сводил с меня глаз. До сих пор помню его лицо в обрамлении напудренных кудрей, его сияющие глаза и... шквал аплодисментов. Гордыня, конечно, грех, хотя я никогда не понимала почему. Кто-то скажет, что именно гордыня привела сюда меня, гордыня низвергла с прежних высот, хотя в самом конце я вознесусь еще выше. В Судный день я буду танцевать с ангелами, твердит сестра Маргарита, но ведь она, бедняж-

ка, сумасшедшая. Измученная тиком, дрожащая, она превращает воду в вино неведомым снадобьем из склянки, которую держит под матрасом. Сестра Маргарита думает, мне ничего не известно. Но в нашем дортуаре перегородки совсем тонкие, тайну не сохранишь. Разве только мне удастся.

Монастырь Святой Марии Морской находится в западной части острова Нуармутье. Несуразный, с деревянными пристройками по бокам и сзади и внутренним двором. Здесь я живу последние пять лет, прежде так долго нигде не задерживалась. Сейчас я сестра Августа, а как меня звали раньше — неважно, по крайней мере пока. Монастырь — единственное место, где можно отрешиться от прошлого. Только прошлое — хворь коварная, переносится и дыханием ветра, и звуками флейты, и ножками плясуньи. Спыхватываюсь я, как всегда, поздно, но куда мне идти, если не вперед? Все началось с бродячих циркачей, а где и чем закончится?

После плясуньи вышли жонглеры с музыкантами, и сам Лазарильо объявил заключительный номер программы. По двору прокатился его трубный, как у бывшего актера, глас.

— А теперь, милостивые сестры, для назидания и удовольствия, для восторга и развлечения, всем известная труппа Лазарильо представит забавнейшую комедию нравов! — Для пущей выразительности Лазарильо остановился и сорвал с головы треуголку с перьями. — Прямо сейчас и только для вас «Любовь отшельника»!

Над головой пролетел ворон, черный вестник несчастья. По лицу скользнула его зловещая тень, и я сделала пальцами магический знак — «рогатку», чтобы прогнать беду: кш-ш, убирайся!

Не помогло. Ворон тяжело опустился на крышу колодца, и его желтые глаза дерзко блеснули. Труппа Лазарильо

как ни в чем не бывало готовилась к выступлению. Ворон заговорщицки мне кивнул.

Кш-ш, убирайся! Однажды такой «рогаткой» моя мать прогнала целый рой диких пчел. Ворон же беззвучно раскрыл клюв и показал мне тонкий синеватый язык. Страшно захотелось швырнуть в него камнем, едва сдержалась.

Тем временем представление уже началось. Подлый священник возжелал молодую прелестницу. Та укрылась в монастыре, а ее возлюбленный, клоун, решил вызволить красавицу, переодевшись монахиней. Священник разоблачил их и поклялся: девушка достанется ему или никому на свете. Коварным планам помешала мартышка: она неожиданно прыгнула ему на голову, и влюбленные сбежали.

«Забавнейшая комедия» оказалась пресной и монотонной, лицедеи изнывали от жары. Плохи же их дела, раз к нам занесло. Еда и ночлег, большего в островном монастыре не получишь, а если порядки строгие, не получишь ничего. Видно, совсем солоно пришлось им на материке. Бродячим артистам сейчас нелегко. Зато Флер представление понравилось — она хлопала в ладоши и громко подбадривала верещащую мартышку. Рядом с ней стояла Перетта, самая юная из наших послушниц. Выхрастая, с выразительным личиком, она сама напоминала мартышку, а сейчас визжала от восхищения.

Действо заканчивалось: возлюбленные воссоединились, негодяя-священника разоблачили. От жары у меня закружилась голова, и на миг почудилось, что за спинами актеров от света прячется кто-то знакомый. Ошибки быть не могло: только он так держит голову, так стоит и отбрасывает такую тень. Я узнала его, хотя видела не дольше секунды: Ги Лемерль, мой черный вестник несчастья, мелькнул и исчез.

Все началось с бродячих циркачей, Лемерля и крылатого вестника несчастья. «Удача как горная река: то туда повернет, то сюда», — говорила моя мать. Может, пришла пора и нам повернуть, как поворачивается Земля и день сменяется мраком ночи, если верить еретикам. Может, и нет. Циркачи пели, плясали, изрыгали огонь из раскрашенных ртов, строили рожи, резвились, кувыркались, дурачились, под тамбурин и флейту махали ногами с блестящими золотом ногтями, а мне чудилось: на двор напозает мрак, накрывая черным крылом алые юбки, звенящий тамбурин, флейту, верещащую мартышку, шутовские костюмы, маски, Изабеллу и Скарамуша. Медленно совершается очередной поворот, неумолимо приближая наш конец...

От суеверия давно пора избавиться. Предзнаменования остались в другой жизни вместе с «Небесным театром». Только почему спустя все эти годы мне помешался Лемерль? К чему это? Наваждение прошло, действие тоже закончилось — потные циркачи кланялись и осыпали нас лепестками роз. И ночлег, и провизию они более чем заслужили.

Рядом со мной толстая сестра Антуана бьет в пухлые ладоши. От жары ее лицо покрылось красными пятнами. Я вдруг почувствовала и пыль в ноздрях, и резкий запах ее пота. Кто-то похлопал меня по спине — сестра Маргарита! На изможденном лице восторг и боль, от волнения открылся рот, и дрожат губы. Как мерзко воняют потные тела! «Бра-аво!» — пронзительно, чуть ли не дико закричали сестры, стоящие у потрескавшихся от жары монастырских стен. Полуденный зной растопил сдержанность и чопорность, аплодисменты грянули с безумной силой. «Браво! Бис! Браво! Бис!»

Тут среди восторженных воплей я расслышала совершенно иной. «Наша мать Мария, она...» Безумные крики

и жара задушили голос, но вот он снова вознесся над остальными.

Я оглянулась на голос и увидела сестру Альфонсину. Чахоточная монахиня стояла на верхней ступеньке лестницы, что вела в колокольню. Никто, кроме меня, на нее не смотрел. Труппа Лазарильо отвешивала последние поклоны — циркачи раздавали последние цветы и конфеты, пожиратель огня в последний раз изрыгнул пламя, мартышка сделала последнее сальто. У Арлекина потек грим, у Изабеллы, старовой и толстоватой для этого амплуа, помада размазалась до самых ушей.

Сестра Альфонсина все старалась перекричать монахинь. «Божья кара! — разобрала я. — Страшная кара!»

На лицах монахинь мелькнуло раздражение. Альфонсину хлебом не корми, только дай покаяться и епитимью исполнить.

— Господи, Альфонсина, ну что такое?

Та обвела нас мученическим взглядом и не скорбно, а скорее укоризненно объявила:

— Сестры, наша мать настоятельница мертва.

Воцарилась тишина. Растерянные циркачи смотрели виновато, понимая, что внезапно оказались не ко двору. Музыкант неловко опустил руку, и его тамбурин ответил резким звоном.

— Мертва?

Можно подумать, под нещадно палящим солнцем не умирают.

Альфонсина кивнула, а стоящая позади меня Маргарита тут же завела:

— *Miserere nobis, miserere nobis...*¹

Перехватив изумленный взгляд Флер, я прижала ее к себе.

— Цирк кончился? — спросила она. — Обезьянка больше не спляшет?

¹ Помилуй нас, помилуй нас... (*лат.*)

— Боюсь, нет, — покачала головой я.

— Почему? Из-за черной птички?

Я испуганно заглянула ей в глаза. Пять лет, а все замечает! Глаза у Флер как кусочки неба — сегодня синие, завтра темно-лиловые, словно грозовая туча.

— Тут была черная птичка, — нетерпеливо пояснила она. — А сейчас ее нет.

Я оглянулась. Флер говорила правду: ворон принес плохую весть и улетел. Отпали последние сомнения: предчувствие меня не обмануло. Спокойные солнечные дни для нас закончились. Маскараду конец.

2

4 июля 1610

Мы отослали трупку Лазарилью в город. Циркачи уехали обиженные, точно их в чем-то обвинили. Только оставлять их в монастыре было не след: у нас ведь покойница. Из приязни к бродячим артистам всего света я сама отнесла им провиант — сено для лошадей, хлеб, козий сыр в золе, доброго вина — и пожелала счастливого пути.

Прощаясь, Лазарилью окинул меня пристальным взглядом.

— Знакомой ты кажешься, любезная сестра. Не встречались мы где?

— Вряд ли. Я здесь сызмальства.

Лазарилью пожал плечами.

— Слишком много городов перевидал, вот и мнится, что лица у людей одинаковые.

«Знакомое чувство», — подумала я, но промолчала.

— Тяжелые нынче времена, любезная сестра, помани нас в молитвах.

— Всенепременно.

Мать настоятельница лежала на своей узкой кровати. Клянусь, при жизни она не выглядела такой маленькой и хрупкой! Ей закрыли глаза, а сестра Альфонсина уже сменила ее *quichenotte*¹ на вимпл, который старушка носить отказывалась.

«Кишнот нас очень выручал, — рассказывала она. — *Kiss not, kiss not!* — твердили мы английским солдатам, а для пущей убедительности надевали чепцы с жесткими лентами. Кто знает, — в глазах старушки вспыхивал лукавый огонек, — вдруг английские мародеры тут не перевелись? Как мне сохранить свою непорочность?»

По словам Альфонсины, мать настоятельница лишилась чувств, когда копала картошку в поле, а минуту спустя умерла.

«Хорошая смерть, — подумала я. — Ни боли, ни священников, ни суеты пустой». Настоятельница прожила семьдесят три года — необычайно много! — а хрупкой была еще пять лет назад, когда я только появилась в монастыре. Именно она помогла мне стать своей, она принимала Флер... Снова накатила незваная гостья тоска. Настоятельница казалась мне бессмертной, эдаким столпом затворнической жизни. Сама доброта и простота, мать Мария бродила по картофельным полям в юбке и переднике — ни дать ни взять крестьянка.

Картошкой настоятельница гордилась. Земля здесь бедная, почти ничего не вырастишь, а ее картошка ценилась на материке и вместе с солью и маринованным солеросом помогала монастырю себя прокормить. Церковная десятина делала жизнь вполне терпимой даже для меня, свободолюбивой цыганки. В моем возрасте пора покон-

¹ Кишнот (*фр.*), род чепца. Предположительно слово произошло от английского *kiss not* (не целуй). При помощи таких чепцов во время Столетней войны француженки отбивались от домогательств английских солдат.

чить с бурями и смятением странствий, тем паче в «Небесном театре» слез было не меньше, чем роз, голода больше, чем сытости, а коли вспомнить пропойц, сплетников и развратников... Но главное, сейчас у меня на руках Флер.

Одно из бесчисленных моих богохульств — непризнание греха. Мне, в грехе зачатой, надлежало произвести на свет свое дитя в скорбном покаянии и бросить среди диких холмов, как дочери моего народа издревле поступали с ненужным потомством. Однако Флер с первой минуты была мне не в тягость, а в радость. Ради нее я ношу красный крест бернардинок, ради нее тружусь на полях, а не танцую на канате. Ради нее посвящаю дни свои Господу, которого мало почитаю и еще меньше понимаю. Только с Флер жизнь мне теперь в уладу, а в монастыре как-никак безопасно. У меня есть сад, книги, сестры. Шестьдесят пять сестер, о такой большой и дружной семье я прежде не мечтала.

Я назвалась им вдовой. Так казалось проще всего: молодая богатая вдова, теперь еще на сносях, я бегу от кредиторов покойного супруга. Для пущей убедительности у меня имелись драгоценности, спасенные с разбитой в Эпинале повозки. Лицедейский опыт сослужил добрую службу: я легко убедила провинциалку-настоятельницу, которая нигде, кроме родных мест, не бывала. Со временем я поняла, что уловки мои напрасны. Мало кто из сестер ощущал призвание служить Господу. Связывали нас лишь потребность в уединении, недоверие к мужчинам да женская солидарность, которые перевешивали разницу в набожности и происхождении. Каждая из нас спасалась от незримых демонов, каждая хранила свои тайны.

Сестра Маргарита, тощая, как крысенок, вечно трясущаяся от нервных расстройств и тревог, приходит ко мне за ячменным отваром, дабы изгнать сны, в которых ее терзает огненнорукий мужчина. Я завариваю ей ромашку

с валерианой, сдобриваю снадобье медом. Сама она ежедневно очищается соленой водой с касторовым маслом, но по лихорадочно блестящим глазам я вижу, что кошмар мучает ее до сих пор.

Полная краснолицая сестра Антуана с вечно жирными от готовки руками в четырнадцать лет произвела на свет мертвого младенца. Иные говорят, она убила свое дитя, иные клеймят ее отца, не совладавшего с гневом и стыдом. Но даже чувство вины не портит Антуане аппетит. У нее круглое апатичное лицо, трясущиеся складки на подбородке и живот колесом. Пироги и булки она прижимает к груди, как младенцев, и в полумраке порой не разберешь, кто от кого кормится.

Сестра Альфонсина блее мела, лишь на щеках по красному пятну. Порой она харкает кровью, а в нервном возбуждении находится постоянно. Кто-то сказал ей, что у хворых особый дар, здоровым недоступный. Теперь Альфонсина старательно напускает на себя таинственность и частенько видит дьявола в образе большой черной собаки.

Ну и Перетта: для всех — сестра Анна, а в душе навсегда Перетта. Дикарка, лет тринадцати или чуть старше, она не говорит ни слова. Прошлой осенью, в ноябре, нагой подобрали мы ее на берегу. Первые три дня она не прикасалась к еде и неподвижно сидела на полу кельи, уставившись в стену. Потом начались буйства — размазанный по полу кал, швыряние едой в сестер, которые за ней ухаживали, звериные крики. Одежду Перетта отвергала начисто, нагая вышагивала по ледяной келье, поминутно разражаясь дикими воплями, в которых звучали то гнев, то тоска, то ликование.

Сейчас иной примет Перетту за обычную девочку. В белой рясе послушницы она почти прелестна. Высоким птичьим голоском выводит она наши гимны, хоть и без слов, но самое раздолье ей в поле и в саду — швыр-

нет вимпл на колючий куст, и ветер раздувает длинные юбки. Она по-прежнему не говорит. «С рождения, что ли, немая?» — гадают сестры. Глаза у Перетты с золотым ободком, волосы ей сбрили, чтобы избавить от вшей, и сейчас на голове топорщится светлый ежик. Перетта любит Флер, тоненько воркует с ней, ловкими умелыми ручками мастерит игрушки из тростника и прибрежных трав. Я тоже ей близкая подруга — Перетта охотно ходит со мной в поле и, мурлыча себе под нос, наблюдает, как я работаю.

Да, у меня снова есть семья. У каждой свои демоны, но все мы тут беглянки — Перетта, Антуана, Маргарита, Альфонсина, я, а еще чопорная Пьета, сплетница Бенедикт, лентяйка Томазина, белокурая Жермена с изуродованным лицом, беспокойная красотка Клемента, которая делит с ней ложе, и слабоумная Розамунда — потеряв память и силу грешить, она ближе к Богу, чем любая из нас.

Жизнь здесь легка или была легка покамест. Вдоволь вкусной еды, у каждой свое утешение — у Маргариты склянка и ежедневное очищение, у Антуаны — пироги с булками, а у меня Флер, которая рядом со мной и когда спит в кровати, и на поле, и на молебнах. Кто-то скажет, вольготность такая пристала праздным селянкам, а не объединенным покаянием сестрам, но ведь монастырь наш на острове. Здесь своя жизнь, и даже Ле-Девэн по ту сторону пролива кажется другим миром. Раз в год на Таинство Евхаристии к нам приезжает священник, а епископа здесь в последний раз видели пятнадцать с лишним лет назад, когда короновали старого Генриха. С тех пор доброго короля закололи — именно Генрих приказал всем французам раз в неделю есть жареных кур, и стараниями сестры Антуаны этот приказ мы выполняли воистину ретиво, — а его наследник еще бегает в коротких штанишках.